

О ГРАНИЦАХ ОСНОВНОГО СЛОВАРНОГО ФОНДА В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

(Критико-библиографический обзор)

Среди языковедческих проблем, получивших новое освещение в трудах И. В. Сталина по языку, одно из центральных мест занимает проблема словарного состава и основного словарного фонда языка. Разрешение вопроса о соотношении основного словарного фонда с остальной частью словарного состава языка представляет для лингвистов исключительный интерес; оно помогает понять и по-новому осмыслить многие явления лексики, проникнуть во внутренние законы развития словарных запасов языка, уяснить целый ряд особенностей исторического развития языка, установить характер и место в языке иноязычных элементов, неологизмов, архаизмов и других пластов лексики того или иного языка.

Учению о словарном составе и основном словарном фонде посвящено большое количество работ советских лингвистов, однако в понимании многих основных вопросов, связанных с этим учением, единства пока еще нет. Так, например, высказываются различные точки зрения на характер исторического развития основного словарного фонда, в частности при образовании национального языка¹. Наибольшая разноречивость и расхождение во мнениях связаны с решением вопроса о границах основного словарного фонда и о принципах его выделения. Рассмотрению принципов выделения основного словарного фонда, выдвигаемых в различных работах, и посвящается настоящая статья.

*

Чтобы приступить к обсуждению принципов выделения основного словарного фонда из словарного состава языка, необходимо установить, какие именно единицы языка подлежат при этом рассмотрению и классификации. Первым пунктом, по которому имеются разногласия, является вопрос о морфемах. Некоторые лингвисты предполагают, что в основной словарный фонд наряду со словами следует включать и словообразовательные аффиксы.

«Едва ли можно сомневаться и в том, — пишет В. В. Виноградов, — что к основному словарному фонду принадлежат и устойчивые общенародные словообразовательные средства языка. В самом деле, такие слова из сферы основного словарного фонда современного русского языка, как *хозяин, крестьянин, гражданин, образование, вникание, торговать* и т. п., представляют собою не только системы форм, свойственных той или иной части речи, но и строго определенные общенародные словообразовательные типы. Поэтому нельзя отрицать принадлежность к основному словарному фонду современного русского языка таких словообразовательных средств общенародного русского языка, как суффикс единичного лица *-ин* (*крестьянин, крестьяне*), суффикс опредмеченного процесса или действия *-ние*, суффикс действия, связанного с каким-нибудь предметом, *-овать* и многие другие подобные»².

Автор одной из последних работ, касающихся вопросов основного словарного фонда, М. С. Гурьева повторяет и развивает эту мысль о положении словообразовательных аффиксов³.

Другие исследователи считают возможным включать в основной словарный фонд наряду со словами и корни слов. «Совокупность слов или корней, исторически являющихся коренным лексическим элементом, накопленным языком в ходе своего становления, составляет словарный фонд казахского языка», — пишет Н. Т. Сауранбаев⁴.

Бесспорно, что в морфемном составе языка имеются элементы продуктивные и непродуктивные, устойчивые и неустойчивые, однако любые морфемы существуют в языке не как самостоятельные единицы, а только как части слов, причем слова с одними и теми же морфемами могут входить и не входить в основной словарный фонд (ср. *учитель — знаменатель, избить — исчислять, молния — молниировать*), а

¹ См. В. И. П а н о в, Об отличиях национального языка от языка народности, «Вопросы языковедения», М., 1952, № 6, стр. 120—125.

² В. В. В и н о г р а д о в, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, сб. «Вопросы языковедения в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 177.

³ См. М. Г у р ь е в а, К вопросу о взаимоотношении основного словарного фонда и словарного состава во французском языке, «Иностранные языки в школе», М., 1952, № 5, стр. 14.

⁴ Н. Т. С а у р а н б а е в, Изучение словарного состава казахского языка в свете трудов товарища Сталина, сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952, стр. 32.

поэтому классифицировать их вместе со словами нельзя, и сам термин «основной словарный фонд» указывает, что речь идет именно о словах.

Вторым пунктом, по которому нет единодушного мнения, является вопрос о многозначных словах. Так, А. Д. Григорьева считает возможным выделять в основном словарный фонд не слова, а их значения. «Нам кажется, — пишет она, — что если значения слова не имеют в языке синонимов, которые бы точно передавали это значение, не внося никаких дополнительных оттенков, то эти значения слова являются, безусловно, достоянием основного словарного фонда, как не имеющие другой формы выражения» (разрядка моя. — Н. Я.)⁵. Такого же мнения придерживается Е. М. Мельцер: «Нередко слово в своем основном значении входит в основной словарный фонд, а в переносном или специальном находится за его пределами, например, *cock, hand* и др.»⁶. Вряд ли можно признать правильной такую постановку вопроса. Основной словарный фонд — это разряд слов, а не значений слов. Отрывать значение от слова и классифицировать значения в данном случае недопустимо, так как для словаря слово и его значение или значения представляют единство. Иное дело — омонимы, которые могут занимать в словаре различное место именно потому, что они представляют различные слова.

Еще более неправильным представляется мне деление употреблений слов на входящие и не входящие в основной словарный фонд, как это делают некоторые исследователи. Так, А. Д. Григорьева пишет: «Границы употребления слов основного словарного фонда очень ярки, строго семантически определены и не допускают двусмысленности, двуплановости. Следовательно, все случаи поэтического и других индивидуальных употреблений, а также все случаи, в которых слово связано с различными стилистическими особенностями языка, исключаются из системы основного словарного фонда языка, каким он является в каждый данный момент» (разрядка моя. — Н. Я.)⁷.

Эту точку зрения разделяет и П. Я. Черных, который пишет, что к основному словарному фонду не относятся «...богатейшие средства экспрессии, изобразительные лексические запасы языка, используемые главным образом в литературно-художественной, особенно поэтической речи, а также ораторской и т. д., и вообще случаи образного употребления слов даже в обиходно-разговорной речи: мороз „трещит“, кто-нибудь „приземлился“ (в смысле „упал“) и т. п., разнообразные идиомы, вроде „баклуши бить“ или „вверх тормашками“ и пр.»⁸.

Основной словарный фонд — это разряд слов, а не значений или употреблений; в основной словарный фонд входят слова, имеющие определенное значение или значения, им свойственно то или иное употребление, но нельзя классификацию слов подменять классификацией значений и употреблений, так как вне слова нет ни значения, ни употребления. Как и всякое слово в языке, а может быть, и в большей степени, чем всякое другое слово, слово основного словарного фонда может быть использовано метафорически, употребляться в прямом и в переносном смысле, служить для создания поэтического образа, но никакое употребление не выводит его за границы основного словарного фонда. От того, что М. Горький начал свой рассказ «Мальва» образом «Море смеялось», слово «смеяться» не перестало быть словом основного словарного фонда русского языка.

Что же касается фразеологизмов, в частности фразеологических сравнений, то они функционируют в речи как одно целое, т. е. в лексическом плане равны словам, а поэтому могут классифицироваться по разрядам наряду с обычными словами. К. Т. Баранцев категорически отрицает возможность отнесения фразеологизмов к основному словарному фонду языка⁹. Это отрицание связано прежде всего с отсутствием твердых критериев для выделения основного словарного фонда из словарного состава языка, что видно и из характера доказательства этого положения. К. Т. Баранцев пишет: «В самом деле, почти все (да, пожалуй, все) фразеологические обороты можно заменить описательными оборотами или отдельными словами»¹⁰. Но ведь очень многие слова основного словарного фонда тоже могут быть заменены описательными оборотами и даже отдельными словами.

⁵ А. Д. Григорьева, Учение товарища Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка, «Русский язык в школе», М., 1951, № 2, стр. 19.

⁶ Е. М. Мельцер, Об основном словарном фонде и словарном составе языка, «Иностранные языки в школе», М., 1951, № 6, стр. 30.

⁷ А. Д. Григорьева, указ. соч., стр. 19.

⁸ П. Я. Черных, П. В. Сталин об основном словарном фонде языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 142.

⁹ См. К. Т. Баранцев, Роль основного словарного фонда в образовании фразеологических единиц, «Иностранные языки в школе», М., 1951, № 6, стр. 31.

¹⁰ Там же.

С. И. Ожегов считает, что «фразеологические речения» за исключением немногих структурных типов, которые могут входить в основной словарный фонд¹¹, находятся за пределами основного словарного фонда. В принципе, мне кажется, фразеологические сращения, идиомы, представляющие одну лексему, могут входить и в основной словарный фонд языка, но только в тех случаях, когда они обладают признаками, обязательными для слов основного словарного фонда (см. об этом ниже).

Прежде чем перейти к рассмотрению обязательных для слов основного словарного фонда признаков, следует остановиться еще на употреблении самых терминов «словарный состав» и «основной словарный фонд». Во многих работах¹² встречается неправильное, неточное употребление термина «словарный состав», могущее привести к неправильной мысли, будто основной словарный фонд не является частью словарного состава языка, а представляет собой нечто внешнее по отношению к нему.

Конечно, авторы, допускающие неточное употребление этого термина, прекрасно понимают, что словарный состав включает в себя все слова данного языка, в том числе и весь основной словарный фонд. Дело здесь в том, что, за исключением особого термина, термин «словарный состав» употребляется в двух различных значениях: во-первых, для обозначения совокупности всех слов языка, а во-вторых, для обозначения той части словарного состава, которая не входит в основной словарный фонд языка. Употребление одного термина в разных значениях всегда создает неудобства и приводит к недоразумениям, а употребление одного и того же термина для называния и целого, и одной из его частей и вовсе неправомерно. Поскольку нет специального термина для обозначения той части словарного состава, которая не входит в основной словарный фонд языка, лучше было бы говорить «остальной словарный состав» или, как пишет В. В. Виноградов, «прочий словарный состав»¹³.

Вопрос о критериях выделения слов основного словарного фонда из словарного состава остается до сих пор нерешенным. В довольно многочисленных работах, посвященных данной проблеме, указываются самые разнообразные признаки, определяющие принадлежность слов к основному словарному фонду¹⁴. Почти во всех этих работах в качестве критерия для выделения слов основного словарного фонда выставляется «жизненная важность» или «жизненная необходимость», причем не всегда ясно, что при этом имеется в виду: жизненная необходимость предмета, явления реальной действительности, жизненная необходимость понятия об этом предмете или явлении действительности или, наконец, жизненная необходимость слова, называющего данный предмет, явление действительности. При этом не раскрывается и не обосновывается, в чем состоит эта жизненная необходимость, как следует понимать ее.

В большинстве случаев, когда говорят о жизненной необходимости как о признаке слов основного словарного фонда, имеют в виду жизненную необходимость понятий. Так, П. Я. Черных уже в первой своей работе писал: «...основной словарный фонд состоит из слов, выражающих наиболее важные жизненно необходимые понятия» (разрядка моя.— Н. Я.)¹⁵. Во второй своей работе П. Я. Черных повторяет и развивает это положение: «Слова основного фонда обозначают такие „предметы мысли“, с которыми не только каждому человеку в течение всей его жизни, но и целому ряду поколений в продолжение веков приходится постоянно иметь дело. Это слова, без которых нельзя выразить и самой простой мысли, без которых никакое общение немислимо. Такие понятия и принято называть у нас „жизненно важными“ или „жизненно необходимыми“ понятиями» (разрядка моя.— Н. Я.)¹⁶.

В работах других авторов речь идет уже не только о жизненно необходимых понятиях, но и о жизненно необходимых предметах, и о жизненно необходимых словах. Например, в статье А. Д. Григорьевой говорится: «Основной словарный фонд необходимо усвоить прежде всего потому, что им обозначаются предметы и явления»

¹¹ С. И. Ожегов, Вопросы основного словарного фонда и словарного состава по данным русского языка, «Открытое расширенное заседание Ученого совета, посвященное годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. 28—30 июня 1951 г. Тезисы докладов», М., 1951, стр. 41.

¹² См.: П. Я. Черных, указ. соч., стр. 136, 147; С. И. Ожегов, указ. тезисы, стр. 37; А. Д. Григорьева, указ. соч., стр. 23; Р. А. Будагов, Об основном словарном фонде и словарном составе языка, Л., 1952, стр. 9; М. Гурьева, указ. соч., стр. 11, 12, 17 и др.

¹³ См. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 166.

¹⁴ См. В. В. Вахмистров, Признаки принадлежности слов к основному словарному фонду, «Иностранные языки в школе», М., 1951, № 4, стр. 7—10.

¹⁵ П. Я. Черных, Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 73.

¹⁶ П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, стр. 135.

и и я, жизненно необходимые всему говорящему коллективу» (разрядка моя.— Н. Я.).¹⁷ Далее в той же статье говорится: «Какие же слова являются жизненно необходимыми для членов общества как целого?» (разрядка моя.— Н. Я.).¹⁸

В работе Е. М. Мельцер признак жизненной необходимости относится и к предметам, и к понятиям, и к словам. Е. М. Мельцер пишет: «Постепенно, с расширением употребления картофеля, слово *potato* приобретает большую важность в английском языке и начинает выражать несомненно жизненно важный общепарадный предмет. В современном английском языке слово *potato* входит бесспорно в основной словарный фонд» (разрядка моя.— Н. Я.).¹⁹ Или: «Некоторые слова могут постепенно переосмыслиться, теряя свою актуальность; другие, наоборот, могут становиться выразителями жизненно важных понятий» (разрядка моя.— Н. Я.).²⁰ Или: «В основной словарный фонд современного английского языка входит целый ряд общепарадных жизненно необходимых слов, которые живут в языке веками и имеют сходные формы не только в германских, но и в других индоевропейских языках» (разрядка моя.— Н. Я.).²¹ Смещение предмета, понятия и слова при употреблении выражения «жизненно необходимый» здесь очевидно.

У Р. А. Будагова, который оставляет в стороне вопрос о границах основного словарного фонда, понятие жизненной важности связывается с понятиями, представлениями и значениями слов. «Ядром основного словарного фонда,— пишет он,— являются корневые слова, на которые как бы нарастают важнейшие производные слова, составляющие жизненно важные понятия и представления» (разрядка моя.— Н. Я.).²² Несколько ниже Р. А. Будагов пишет о переходе слов, «потерявших в силу определенных исторических причин свое жизненно важное значение, в категорию слов словарного состава» (разрядка моя.— Н. Я.).²³

М. С. Гурьева также считает основным критерием для отнесения слова к основному словарному фонду жизненную важность понятия: «Принадлежность слова к основному словарному фонду характеризуется признаками жизненной важности выражаемого словом понятия и его способностью к словообразованию» (разрядка моя.— Н. Я.).²⁴ При этом, по мнению автора, «семантический критерий, т. е. жизненная важность понятия, выражаемого словом, является более решающим признаком принадлежности слова к основному словарному фонду, учитывая, что критерий жизненной важности исторически изменчив и самый фонд жизненно важных понятий развивается в связи с развитием общества»²⁵.

Можно ли говорить о жизненной необходимости предмета как о критерии для выделения слов основного словарного фонда? Во-первых, жизненная важность или необходимость предмета определяется весьма многими внеязыковыми факторами, как-то: социальным строем, степенью развития и характером культуры народа, географическим положением страны и т. п. (ср., например, такие необходимые для нас предметы, как *сани, книга, кино, радио* и т. п., которые для другого времени или для другого народа отнюдь не являются необходимыми). Во-вторых, в основной словарный фонд может входить немало слов, обозначающих предметы и явления, не только не являющиеся жизненно необходимыми, но, напротив, представляющие явную помеху жизни общества (например: *война, убийство, вор, воровство, трусость, лень, град, голод* и т. п.). Выделение же предметов и явлений по постоянству их проявления или по длительности их существования в жизни народа приведет к изучению и классификации предметов и явлений, а не слов и далеко уведет нас от языковой проблемы соотношения словарного состава и основного словарного фонда языка. Таким образом, жизненная необходимость предмета не может служить критерием для выделения слов основного словарного фонда.

Нельзя исходить при выделении слов основного словарного фонда и из жизненной необходимости понятия. Круг жизненно необходимых понятий тоже определяется внеязыковыми факторами: экономическим и социальным строем общества, разви-

¹⁷ А. Д. Григорьева, указ. соч., стр. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Е. М. Мельцер, указ. соч., стр. 29.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 23.

²² Р. А. Будагов, указ. соч., стр. 16.

²³ Там же, стр. 19.

²⁴ М. Гурьева, указ. соч., стр. 11.

²⁵ Там же, стр. 12. Ср. также в «Грамматике русского языка», т. I (М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 7): «Основной словарный фонд в большей своей части состоит из общепарадных и притом — с точки зрения современного понимания — непроемных слов, обозначающих наиболее важные, жизненно необходимые предметы, явления, понятия, напр.: *вода, гора, земля, лес, рыба, человек; делать, ходить, производить*» (разрядка моя.— Н. Я.).

тием науки и техники, уровнем культуры и материального благосостояния общества. Да и самое представление о жизненной важности понятия, закрепленного в слове, относительно даже для определенной эпохи жизни определенного народа. Так, Н. Т. Сауранбаев сообщает, что среди слов основного словарного фонда «для определения масти лошади в казахском языке имеется свыше двухсот слов»²⁶. В какой мере в настоящее время понятия, закрепленные в этих словах, представляют жизненную необходимость для казахского народа? В какой мере для нас жизненно необходимы понятия, заключающиеся в таких словах основного словарного фонда, как *синий* и *голубой*, или в словах, обозначающих различные родственные отношения? Известно также, что жизненная необходимость понятия далеко не всегда связана с жизненной необходимостью предмета или явления действительности.

Основным возражением против критерия жизненной необходимости понятия при выделении слов основного словарного фонда является то, что нельзя подменять классификацию слов классификацией понятий, так как слово и понятие, хотя и соотносительны, но не тождественны²⁷. Слово не может быть отождествляемо с понятием потому, что, во-первых, многие понятия выражаются не одним, а двумя или несколькими словами (например: *холодная война*, *диктатура пролетариата*, *сложное предложение*); во-вторых, потому, что слово может, кроме понятия, выражать отношение говорящего к называемому предмету или явлению (ср., например, *спорить* и *преприцаться*, *известный* и *пресловутый*); в-третьих, потому, что есть целые разряды слов, не заключающих логических понятий или же представляющих весьма специфическую соотнесенность с понятием. Так, многие ученые полагают, что местоимения, имена собственные, междометия не выражают логических понятий²⁸.

Понятие может измениться, а слово, выражающее это понятие и называющее предмет или явление действительности, сохраниться или ввиду неизменности, постоянства проявления данного предмета, явления (*гром*, *вода*, *солнце* и т. п.), или ввиду привычности этого слова, давности его употребления, вхождения его в основной словарный фонд языка.

Изменения в объеме или содержании понятия очень часто не влекут за собой изменения наименования, особенно если эти наименования являются словами основного словарного фонда. Известно немало случаев, когда понятие изменялось весьма значительно (в связи с изменением предмета или явления или в связи с изменением в понимании нами этого предмета или явления), а слово оставалось неизменным и продолжало служить для выражения этого нового понятия или для выражения и нового, и старого понятия. Это — один из возможных путей возникновения многозначности слов. В качестве примера можно привести слово *знатный*, которое приобрело новое значение в наше время. Слова, давно имеющие широкое распространение в языке, не могут даже при существенном изменении значения быть легко заменены другими словами, особенно если при этом еще имеет место преемственность понятия. С другой стороны, понятие может сохраниться, а слово или способ выражения этого понятия может измениться в связи с совершенствованием языка, в связи со вкусами общества или по каким-либо другим причинам. Например, древнерусские слова *ворог*, *полон*, *хоробрый* были заменены словами *враг*, *плен*, *храбрый*. Такие замены возможны в любом языке²⁹.

Сознательное отношение к отбору слов, сознательное укрепление и развитие словарного состава языка только потому и возможно, что слово и понятие не тождественны; в противном случае, выступая против употребления того или иного слова, мы выступали бы против понятия, им выражаемого. Ср. в этом плане словарные замены нашего времени: *Красная Армия* — *Советская Армия*; *красноармеец* — *солдат (боец)*; *наркомат* — *министерство*; ср. также замену наименования нашей партии — *ВКП(б)*

²⁶ Н. Т. Сауранбаев, указ. соч., стр. 36.

²⁷ Ср. Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма, «Вестник Моск. ун-та», М., 1951, № 9, стр. 125.

²⁸ См. Е. М. Галкина-Федорук, указ. соч., стр. 120, 125. См. также высказывания о природе имен собственных: В. И. Чернышев («Русские уменьшительно-ласкательные личные имена», «Русский язык в школе», М., 1947, № 4, стр. 20), А. А. Реформатского («Введение в языковедение», М., 1947, стр. 23), А. Б. Шапиро («Русское правописание», М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 151) и др. Ср. также П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, стр. 138.

²⁹ См. об аналогичных заменах: в немецком языке — в статье Т. В. Строевой «К вопросу об устойчивости основного словарного фонда в немецком языке», [сб. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», 2 («Ученые записки ЛГУ», № 161), стр. 190; в шведском языке — в статье С. С. Масловой-Лашанской «Из истории словарного состава и основного словарного фонда шведского языка», (там же), стр. 214.

[Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)] новым названием — *КПСС* (Коммунистическая Партия Советского Союза).

Может измениться самый способ наименования понятия. Так было, например, в русском языке с обозначением понятия правой руки и левой руки: старые русские слова *десница* и *шуица* исчезли из языка, и мы выражаем теперь данные понятия при помощи слова, обозначающего родовое понятие *рука*, и слов, дифференцирующих видовые понятия: *правая* и *левая*.

Поскольку слово не тождественно понятию и фонд жизненно необходимых понятий развивается по иным законам, чем основной словарный фонд и весь словарный состав языка в целом, причем закономерности развития фонда жизненно необходимых понятий в гораздо большей степени зависят от смены базисов и надстроек, чем закономерности развития основного словарного фонда языка, постольку признак жизненной необходимости понятия, заключенного в слове, не может служить критерием для выделения слов основного словарного фонда. Характерно, что даже те авторы, которые выдвигают жизненную важность понятия в качестве решающего признака для отнесения слов к основному словарному фонду, вынуждены признать, что границы основного словарного фонда не совпадают с границами круга жизненно необходимых понятий. Так, М. С. Гурьева допускает, что слова, обозначающие жизненно необходимые понятия, могут находиться и за пределами основного словарного фонда. Она пишет: «Однако одного только критерия жизненной важности выражаемого словом понятия тоже недостаточно для определения принадлежности слова к основному словарному фонду. Слово может выражать жизненно важное понятие и оставаться за пределами основного словарного фонда, быть мало употребительным, т. е. являться принадлежностью какого-либо одного стиля речи. Стилистические синонимы могут выражать жизненно важные понятия, оставаясь за пределами основного словарного фонда»³⁰.

П. Я. Черных, выдвинув в качестве ведущего критерия принадлежности слов к основному словарному фонду жизненную необходимость обозначаемого этим словом понятия, неизбежно приходит в конце концов к выводу о том, что языковеды не в состоянии решить вопроса о границах основного словарного фонда, так как они не знают ни объема, ни законов развития основного словарного круга понятий. Он пишет: «Мы не можем с успехом обсуждать вопрос о содержании основного словарного фонда, если мы не имеем представления о границах основного круга понятий того или другого народа. Малопродуктивными могут оказаться наши старания выяснить, как эволюционирует основной словарный фонд и чем объясняется его устойчивость, если мы не будем знать, как развивается основной круг понятий»³¹.

Несколько ниже П. Я. Черных пишет, что в основной словарный фонд входят «слова, в течение ряда исторических периодов употребляемые в речи данным народом, слова, обозначающие жизненно важные для всех людей любой страны и любой части света понятия»³².

В этой связи следует вспомнить справедливую критику В. В. Виноградовым³³ теории «основного лексического фонда» в работах В. И. Абаева, утверждавшего, что существует универсальный основной лексический фонд, который охватывает круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений.

Таким образом, нельзя жизненную важность понятия положить в основу выделения слов основного словарного фонда, хотя, может быть, большая часть слов основного словарного фонда и выражает жизненно необходимые для общества понятия. Вообще исходить при любой лингвистической классификации слов языка из классификации понятий, закрепленных за этими словами, не следует, ибо слова и понятия, хотя и соотносительны, но далеко не тождественны и подлежат изучению в разных науках. Поэтому вполне правомерна попытка А. И. Смирницкого дать характеристику и определение слова, не прибегая к понятию³⁴.

С. И. Ожегов в поисках критериев для установления границ основного словарного фонда пытается исходить не из предмета и не из понятия, а из слова. «Лексика, образованная по живым продуктивным типам словообразования, — говорит он, — составляет периферийную массу, отнесение которой к основному словарному фонду или словарному

³⁰ М. Гурьева, указ. соч., стр. 12.

³¹ П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, стр. 141.

³² Там же, стр. 150.

³³ См. В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 3, стр. 225.

³⁴ См. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 182—203.

составу определяется семантической весомостью слова» (разрядка моя.— Н. Я.)³⁵.

Однако что такое «семантическая весомость» слова? Каковы объективные показатели этой весомости? Мне кажется, что семантическая весомость слова часто определяется субъективно, а потому критерием для выделения слов основного словарного фонда служить не может, хотя несомненно то, что слова основного словарного фонда в большей своей части являются носителями важных, существенных значений.

Почти во всех специальных работах указываются еще два признака, характеризующих основной словарный фонд языка: общенародность и устойчивость его. Но и в понимании общенародности и устойчивости основного словарного фонда тоже нет достаточной ясности и единства. Что обозначает «общенародность» основного словарного фонда? Ведь общенародным является и весь словарный состав в целом, ибо язык на всех этапах своего существования является единым и общим для всего народа. Однако это не значит, что все слова языка известны всем говорящим на этом языке. Напротив, нет ни одного человека, который знал бы все слова данного языка. Но неизвестные тем или иным членам общества слова (мы не говорим здесь о диалектизмах или о жаргонной лексике) неизвестны не потому, что эти слова не являются общими, едиными для всего общества, а потому, что данные члены общества незнакомы с явлениями действительности, ими называемыми, или с понятиями, ими обозначаемыми. При ознакомлении с новым предметом или явлением действительности, при усвоении нового понятия усваивается и слово, имеющееся в языке. Таким образом, общенародность словарного состава следует понимать как общеобязательность того или иного слова для называния определенного предмета, явления или для выражения определенного понятия³⁶.

Общенародность же слов основного словарного фонда следует понимать не только как общеобязательность, но и как общепотребительность. Слова основного словарного фонда — это прежде всего и непременно слова, известные всем говорящим на данном языке, к какому бы классу, к какой бы социальной прослойке или общественной группе они ни принадлежали. Об этом говорят почти все исследователи. Например, Т. В. Строева пишет: «Употребление этих слов (слов основного словарного фонда.— Н. Я.) необыкновенно широко, они обслуживают весь народ, а не специальные группы населения»³⁷. Эту же мысль высказывает С. И. Ожегов, говоря, что устойчивость слов основного словарного фонда выражается «... в общности, в совпадении основного словарного фонда общенародного языка с составляющими его почвой территориальными диалектами»³⁸.

Не следует думать, что основной словарный фонд составляют слова, наиболее часто употребляемые в данное время, хотя, конечно, словам основного словарного фонда в целом свойственна большая употребительность, чем словам, находящимся за пределами основного словарного фонда. Однако всеупотребительность, этот существеннейший признак слов основного словарного фонда, не является единственным признаком, и не всякое всеупотребительное слово может быть отнесено к основному словарному фонду. Явление может приобрести самую широкую известность, слово, его называющее, стать всеупотребительным, и тем не менее это слово может находиться за пределами основного словарного фонда; ср., например, в современном русском языке слово *радио*, которое, хотя и приобрело широкое распространение, но не приспособилось еще к русской фонетической и грамматической системе и сохраняет явные следы своего чужеземного происхождения (не случайно маленькие дети и люди, плохо владеющие нормами литературного языка, говорят *радио*). П. Я. Черных справедливо полагает, что «если иноязычные слова и попадают иногда в основной фонд, то в связи с тем обстоятельством, что вследствие долговременности употребления (в продолжение веков) они перестают отличаться от слов основного фонда в фонетическом отношении и нередко даже изменяют свое первоначальное значение»³⁹.

Основной словарный фонд представляет собой наиболее устойчивую часть словарного состава языка. Высказывая И. В. Сталина об устойчивости основного словарного фонда цитируются во многих работах, но выводы из них делаются подчас совсем различные. Так, Н. Т. Сауранбаев пишет: «Следовательно, в словарном составе казахского языка можно различить лексические пласты первичный и вторичный. Первичный — это слова и корни, которые живут в языке издавна и

³⁵ С. И. Ожегов, указ. тезисы, стр. 42.

³⁶ Об отношении лексики «диалектов и жаргонов» к общенародному словарному составу, а также об отличительных свойствах словарного состава языка см. в моей статье «О словарном составе и основном словарном фонде» («Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. XXII, Кафедра русского языка, вып. 2, М., 1953, стр. 85—110).

³⁷ Т. В. Строева, указ. соч., стр. 189.

³⁸ С. И. Ожегов, указ. тезисы, стр. 40.

³⁹ П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, стр. 139.

служат базой для образования новых слов. Совокупность слов или корней, исторически являющихся коренным лексическим элементом, накопленным языком в ходе своего становления, составляет словарный фонд (имеется в виду основной словарный фонд. — Н. Я.) казахского языка»⁴⁰.

Именно против такого понимания основного словарного фонда предостерегал П. Я. Черных: «Некоторые товарищи склонны толковать этот новый научный термин, это новое научное понятие таким образом, что здесь будто бы речь идет о том п е р в и ч н о м словаре, с которого, как правило, начинается развитие словарной стороны языка... Нет, дело обстоит не совсем так, хотя этот первичный словарь, поскольку он уцелел от времени до эпохи рабства, можно полагать, является главным источником „основного словарного фонда“»⁴¹.

Однако сам П. Я. Черных допускает другую ошибку, когда говорит о возникновении новых «основных» слов в связи с развитием производства, культуры, торговли и т. д. (например: *плуг, машина, мотор, рабочий, капиталист, бурсуазия, буква, книга, перо, типография, печатать, деньги, пошлина, кредит, банк* и т. д.)⁴².

Вряд ли можно говорить о возникновении «новых основных» слов, так как вновь возникающие или появляющиеся в языке слова поступают в общий словарный состав, но вначале за пределы основного словарного фонда. Как бы ни было значительно явление, все же новое слово, его называющее, должно сначала стать общепотребительным и приобрести некоторую длительность традиции употребления, т. е. оно должно не только стать понятным и привычным, но и прочно соединиться с понятием, им обозначаемым; только после этого оно может войти в основной словарный фонд языка. И, конечно, такие слова, как *бурсуазия, министр, типография, пошлина, кредит, банк*, очень далеки от основного словарного фонда русского языка.

В другой своей работе П. Я. Черных сам выступает против такого необоснованного расширения понятия основного словарного фонда. Он пишет: «Гораздо в большей мере, как мне кажется, ошибаются те товарищи, которые, не считаясь с таким моментом, как устойчивость основного словарного фонда в течение ряда эпох, безмерно расширяют это понятие и полагают, что здесь имеется в виду „лучшая“ или „наиболее существенная часть словаря“ и т. п., причем оставляют открытым вопрос о границах основного словарного фонда»⁴³.

Рассматривая границы основного словарного фонда, нельзя обойти вопрос о месте в словаре языка вновь образующихся слов. Вопрос этот представляет некоторые трудности, потому что новые слова, особенно возникающие в эпохи великих научных и технических открытий, в эпохи грандиозных социальных преобразований, т. е. возникающие в силу настоятельной общественной необходимости, а не по желанию отдельных лиц или групп лиц, обозначают нередко важные, широко входящие в жизнь явления, получают всеобщее распространение. Однако этого далеко не достаточно для того, чтобы причислять подобные слова к основному словарному фонду. Слово, созданное в данную эпоху, не может быть словом основного словарного фонда данной эпохи, так как в нем непременно будет больший или меньший оттенок новизны. Все говорящие на данном языке в данную эпоху одинаково воспринимают слова основного словарного фонда, полученные в наследство от предыдущих поколений, но по-разному могут воспринимать слова, находящиеся за пределами основного словарного фонда. Различное восприятие слова в отношении его новизны уже является достаточным показателем того, что это слово не входит в основной словарный фонд. Понятие неологизма и слова, принадлежащего к основному словарному фонду языка, несовместимы. Об этом говорит и П. Я. Черных: «Неологизмы, новые слова (например, „катюша“, МТС и т. п.), поскольку они воспринимаются, как новые, относятся к словарному составу» (подразумевается, что не к основному словарному фонду. — Н. Я.)⁴⁴.

Однако по отношению к неологизмам нашего времени П. Я. Черных высказывает в разных работах противоречивые суждения. Так, в первой статье он пишет: «Таким образом, и после Октября, при наличии значительных изменений в пределах словарного состава языка, основной словарный фонд все же сохранился в целостности, остался без каких-либо серьезных изменений, хотя, очевидно, и пополнился новыми словами, как, например: „совет“, „советская власть“, „партия“, „стахановец“, „колхоз“ и др.»⁴⁵.

В другой же своей работе П. Я. Черных, приведя слова И. В. Сталина о том, что после Октябрьской революции «Изменился в известной мере словарный состав

⁴⁰ Н. Т. Сауранбаев, указ. соч., стр. 31—32.

⁴¹ П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, стр. 130.

⁴² См. П. Я. Черных, Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка, стр. 75—76.

⁴³ П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде, стр. 130.

⁴⁴ Там же, стр. 142.

⁴⁵ П. Я. Черных, Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка, стр. 76.

русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений...»⁴⁶, добавляет: «Достаточно ясно, о каких новых словах идет речь в данном случае: *совет* с производными (*советский, советизмы* и др.), *партия* (большевистская), *пионер, колхоз, стахановец, трудодень* и т. д.»⁴⁷; не- сколько ниже П. Я. Черных делает правильный вывод, что смена базисов вызывает изменения лексического характера, «...точнее сказать — это изменения в области словарного состава языка или, еще лучше, — в пределах не основной части словаря»⁴⁸.

Все сказанное о неологизмах в особой степени относится в русском языке к аббревиатурам. Этот новый способ образования слов, получивший широкое распространение в первые годы после Октябрьской революции и одно время даже угрожавший понятности русского языка, многими совершенно не признается как правомерный способ образования слов⁴⁹. Если спорной является сама правомерность употребления какого-либо слова, то это верный признак того, что это слово не принадлежит к основному словарному фонду. Поэтому мне кажется, что как бы ни были важны понятия, называемые сложносокращенными словами, слова эти не входят в основной словарный фонд, так как не только недостаточна традиция их употребления в русском языке, но и оспаривается самый способ их образования. Те товарищи, которые стремятся доказать, что неологизмы, например, нашего времени входят в основной словарный фонд языка, пренебрегают преемственностью языка и исходят не столько из языка с его специфическими особенностями, сколько из своего отношения к соответствующим предметам, явлениям и понятиям.

Б. А. Серебренников выдвинул положение о том, что «основной словарный фонд современных языков составлен из двух основных слоев: а) слова, отражающие необходимые в любом человеческом обществе понятия и отношения; б) широко обращающиеся слова научной, технической и общественно-политической терминологии», причем «...развитие этих двух слоев основного словарного фонда будет неодинаковым. Первый слой будет более устойчивым, темпы исторического развития второго слоя, несомненно, будут более ускоренными»⁵⁰.

В подтверждение такого решения вопроса об основном словарном фонде Б. А. Серебренников выдвигает только один аргумент: «Игнорирование наличия двух слоев основного словарного фонда может привести к отрицанию принадлежности к основному словарному фонду целого ряда наиболее распространенных общественно-политических, научных и технических терминов»⁵¹. Однако свою статью автор посвящает особенностям исторического развития только первого слоя, как наиболее характерного для основного словарного фонда⁵², а о «втором слое» говорит: «Что касается второго слоя основного словарного фонда, т. е. известной части научной, технической и общественно-политической терминологии, приобретшей народное значение, то она, как упоминалось выше, изменяется быстрее, и в этом отношении закономерности ее исторического изменения в известной мере напоминают закономерности изменения словарного состава языка»⁵³.

Уже С. И. Ожегов писал, что лексика, составляющая основной словарный фонд, «обладает различными степенями устойчивости, вытекающими из характера основных семантических категорий (групп)»⁵⁴. Интересно показана различная степень устойчивости отдельных групп слов основного словарного фонда на материале немецкого языка в упомянутой выше работе Т. В. Строевой, хотя указания на причины большей или меньшей устойчивости слов здесь не всегда достаточно убедительны.

Так, исходя из общего положения, что «устойчивость основного словарного фонда неравномерна и зависит от типа слов и типа понятий, ими отражаемых»⁵⁵, автор объясняет устойчивость в немецком языке группы слов, обозначающих органы и части человеческого тела тем, что «меньше всего изменяются части человеческого

⁴⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 6.

⁴⁷ П. Я. Черных, О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 3, стр. 242.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ср. С. П. Обнорский, Культура русского языка, М.—Л., 1948, стр. 20 и 30.

⁵⁰ Б. А. Серебренников, Вопросы развития основного словарного фонда, «Известия АН Латвийской ССР», Рига, 1952, № 5, стр. 31.

⁵¹ Там же, стр. 38.

⁵² Там же, стр. 31.

⁵³ Там же, стр. 38.

⁵⁴ С. И. Ожегов, указ. тезисы, стр. 38.

⁵⁵ Т. В. Строева, указ. соч., стр. 195.

тела»⁵⁶. Но ведь части тела так же мало изменяются и у других народов, однако другие языки знают и утраты, и замены слов этой группы, например, в русском языке: *ушйца, десница, зеница, черево, око* и др.

Понятие основного словарного фонда — понятие историческое, т. е. нельзя в чисто синхроническом плане, без всякого учета прошлого данного языка, решать вопрос об основном словарном фонде. Слово, так сказать, требует проверки временем, и именно слово, а не предмет, не явление и даже не понятие.

При решении вопроса о принадлежности того или иного слова к основному словарному фонду нужно знать историю этого слова, знать, как давно оно существует в языке. Без этого невозможно определить принадлежность слова к основному словарному фонду языка.

Основной словарный фонд устойчив, он складывается веками. Преемственность языка, возможность общения не только в пределах поколения, но и между поколениями на протяжении веков создается именно устойчивостью грамматического строя и основного словарного фонда. «Основной словарный фонд, — говорит В. В. Виноградов, — наряду с грамматическим строем языка, — база его национальной самобытности, условие единства языка в его историческом развитии»⁵⁷.

Вот поэтому-то длительная традиция употребления слова в языке является не менее существенным признаком слов основного словарного фонда, чем их общеупотребительность. Слово недавнего распространения, как бы значительно ни было явление, им называемое, не может относиться к основному словарному фонду, так как оно еще не получило проверки временем, так как оно еще может по тем или иным причинам выйти из языка, сократиться в употреблении, уступить свое место другому слову и т. п. Что же касается слов основного словарного фонда, который живет очень долго, то длительная традиция употребления слова приводит к тому, что слово закрепляется за данным явлением или понятием очень прочно и не представляется возможным заменить его или устранить.

Именно потому, что слова основного словарного фонда живут в языке давно, они сохраняют в словообразовании и в словоизменении много архаических черт. Так, например, в русском языке большинство глаголов, относящихся к непродуктивным классам, принадлежит к основному словарному фонду: *бежать, быть, брать, везти, вести, видеть, бить, лить, мыть, пить, шить, дать, есть, ехать, идти, рыть, петь, жать, мять, начать, отнять, класть, слышать, плясать, молот, спать, жить* и т. д. Супплетивизм корней или основ также наиболее часто встречается в словах основного словарного фонда: *мать — матери, дочь — дочери, время — времени, я — меня, он — его, хорошо — лучше, плохо — хуже, высокий — выше, близкий — ближе, брать — взять, прийти — приходит, привезти — привозит, идти — шел* и т. п. Особые формы спряжения с давних пор характерны для нескольких глаголов основного словарного фонда: *дам — дашь — даст — дадим — дадите — дадут* и т. п. Наконец, именно у слов основного словарного фонда могут отсутствовать многие формы, обычно регулярно образующиеся в языке: ср. глагол *есть* («принимать пищу»), от которого не образуются причастия страдательные, причастие действительное настоящего времени, а также деепричастие на *-а (-я)*.

Устойчивость основного словарного фонда языка отнюдь не обозначает его неизменности. Основной словарный фонд не является чем-то раз навсегда данным, он подвергается изменениям, хотя и крайне медленно, так что в сравнении с непрерывным изменением и ростом всего словарного состава кажется почти неизменным. Это положение отмечается всеми авторами, и в ряде работ рассматриваются закономерности развития основного словарного фонда⁵⁸.

Установить точно пределы основного словарного фонда не во всех случаях представляется возможным, так как на его границах происходит постоянное движение: многие слова приближаются к основному словарному фонду, постепенно входят в него, некоторые же, напротив, постепенно выходят за его пределы. Об этом пишет А. С. Чикобава: «Такие слова, как *троллейбус, трамвай, алгебра, тригонометрия, кратное* (в выражении *наименьшее кратное*), *точка, запятая* и другие подобные слова, вряд ли кто отнесет к основному словарному фонду, точно так же как *отец, мать*,

⁵⁶ Там же, стр. 191.

⁵⁷ В. В. Виноградов, *Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания*, сб. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию...», М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, стр. 70.

⁵⁸ См., например, упоминавшиеся выше работы: П. Я. Черных, *О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию*; В. В. Виноградов, *Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка*; Б. А. Серебряников, *Вопросы развития основного словарного фонда*.

сын, дочь вряд ли кто усомнится отнести к основному фонду. Но относительно многих слов могут быть колебания»⁵⁹.

Основной словарный фонд изменяется не только в смысле медленного, но все же неуклонного роста, он изменяется также и в том смысле, что «видоизменяются и развиваются значения слов основного словарного фонда»⁶⁰. Для слов основного словарного фонда характерно постепенное накопление значений в слове, характерна многозначность. Примером могут служить такие слова, как *голова*, *нос*, *гребень*, *поле*, *месяц*, *близкий*, *простой*, *круглый*, *первый*, *идти*, *лететь*, *слушать* и т. п.

Однако многозначность слов основного словарного фонда не может служить критерием для выделения этих слов, поскольку в основном словарном фонде есть и однозначные слова (ср. *морковь*, *огурец*, *рот*, *мышь* и т. п.), а также потому, что за пределами основного словарного фонда есть немало слов многозначных. Можно только утверждать, что для слов основного словарного фонда, существующих в языке на протяжении веков и являющихся общеупотребительными, особенно характерно развитие новых значений в слове; так как эти слова всем хорошо известны, они чаще могут употребляться в переносном смысле, метафорически, метонимически, для сравнений и т. п.

Слова основного словарного фонда отличаются исключительным богатством и разнообразием словопроизводства⁶¹. От многих из них производные слова исчисляются десятками, особенно от слов корневых, представляющих ядро основного словарного фонда. Так, например, от корня слова *жить* в русском языке имеется свыше ста разнообразных производных слов. Многочисленность самых разнообразных образований от одного слова связана с длительным пребыванием этого слова в языке. Тем не менее и эта важнейшая особенность слов основного словарного фонда не может служить критерием для выделения слов основного словарного фонда, так как способность к словообразованию может быть и у слов, находящихся за пределами основного словарного фонда.

Итак, как мне кажется, критерием для выделения слов основного словарного фонда следует считать длительную традицию общеупотребительности слова. Остальные признаки, характеризующие в большей или меньшей степени слова основного словарного фонда, как-то: способность слова к словопроизводству, непроизводность основы, многозначность, стилистическая нейтральность, семантическая весомость, жизненная необходимость понятия, выражаемого словом, или предмета, им называемого, наличие архаических форм не могут, по моему мнению, служить общим критерием для установления границ основного словарного фонда, так как они свойственны либо не всем разрядам слов основного словарного фонда, либо в какой-то мере свойственны и некоторым разрядам слов, находящихся за его пределами.

Основной словарный фонд современных языков гораздо менее обширен, чем словарный состав, тогда как на более ранних ступенях развития основной словарный фонд составлял большую часть словарного состава языка, а на самых ранних ступенях развития он, повидимому, совпадал со словарным составом. П. Я. Черных пишет: «Если в эпоху первобытно-общинных отношений на древнейшей, первоначальной, стадии развития языка до эпохи рабства объем основного словарного фонда, надо полагать, совпадал с объемом словарного состава языка, вследствие чего И. В. Сталин и именует этот фонд (для этого времени) „словарным фондом“, а не „основным словарным фондом“, то в дальнейшем, в связи с развитием мышления и культуры людей, в связи с возникновением письменности и развитием литературных жанров языка, по мере обогащения языка новыми словами, постепенно в словаре начинается отделение лексических пластов, формирующихся на базе корневых слов основного фонда, но за его пределами»⁶².

Поэтому мне кажется, что Р. А. Будагов не совсем точно излагает учение И. В. Сталина о древнейшем состоянии языка, когда пишет: «Хотя основы языка и закла-

⁵⁹ А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 33.

⁶⁰ В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, стр. 164.

⁶¹ Ряд ценных высказываний о роли основного словарного фонда в словообразовании имеется в выступлениях и работах В. В. Виноградова; кроме того, специально этому вопросу посвящены следующие, частично уже упоминавшиеся, его работы: «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка» (сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952); «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка» («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1951, вып. 3); «Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» («Русский язык в школе», М., 1951, № 2).

⁶² П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк, М., Учпедгиз, 1952, стр. 283—284.

дываются в глубокой древности, но первоначально, как учит товарищ Сталин, язык еще был со скудным словарным фондом и с небольшим словарным составом»⁶³.

В современных же языках, если взять количественное соотношение по словарю, процент слов основного словарного фонда не велик. При этом следует заметить, что чем развитее язык, тем процент слов основного словарного фонда по отношению ко всему словарному составу будет меньшим, потому что словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения, причем изменяется словарный состав преимущественно в сторону пополнения, следовательно, непрерывно возрастает, а основной словарный фонд, хотя и изменяется, но крайне медленно, следовательно, с развитием языка он занимает в словарном составе языка количественно — по отношению к остальному словарному составу — все меньшее место. Ту же мысль находим у П. Я. Черных: «Чем дальше идет время, тем все сильнее увеличивается разница в объеме между словарным составом языка и основным словарным фондом»⁶⁴.

Богатая синонимика — один из показателей развитого, богатого языка. Однако большинство синонимов остается за пределами основного словарного фонда. «Из синонимического ряда только ведущий, общенародный синоним (доминанта) входит в основной словарный фонд языка, остальные же синонимы входят в лексические слои за пределами основного словарного фонда»⁶⁵.

В. В. Виноградов точнее формулирует вопрос о вхождении синонимов в основной словарный фонд: «... основному словарному фонду присуща, главным образом, синонимия и деографическая, т. е. связанная с оттенками значений и понятий. Между тем в общем словарном запасе преобладает синонимия стилистическая, т. е. отражающая богатство речевых стилей общенародного языка»⁶⁶.

Следовательно, развитие богатств словарного состава приводит к тому, что увеличивается в количественном и процентном отношении та часть словарного состава, которая не входит в основной словарный фонд.

Не следует, однако, смешивать процентное отношение основного словарного фонда ко всему словарному составу в целом с местом и удельным весом основного словарного фонда в речи, так как в речи слова основного словарного фонда употребляются значительно чаще других слов и занимают ведущее место.

*

Грамматический строй и основной словарный фонд составляют основу языка. Именно грамматическим строем и основным словарным фондом в первую очередь создаются различия между отдельными языками. Поэтому-то выяснение вопроса о границах и особенностях основного словарного фонда существенно и необходимо не только для изучения лексики языка, но и для понимания структуры всего языка в целом.

Н. А. Янко-Триницкая

Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке. [Сб. докладов, прочитанных на конференции, состоявшейся в феврале 1951 г. в Ташкенте.] — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952. 188 стр. (Отд-ние гуманитарных наук.)

Сборник открывается статьей М. Т. Айбека «Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и изучение языков народов Средней Азии и Казахстана», в которой дан сжатый обзор культурных достижений народов Средней Азии и Казахстана, возрожденных к новой жизни Великой Октябрьской социалистической революцией. Автор верно указывает на то, что «перестройка языковедческой работы в республиках Средней Азии и Казахстана проходит недостаточно интенсивно». М. Т. Айбек выдвигает перед языковедами Средней Азии и Казахстана следующие первоочередные задачи: изучение словарного состава языка и усиление лексикографической работы, составление школьных и научных грамматик на основе сталинского учения о языке, усиление диалектологической работы, особенно изучение территориально смежных диалектов.

В обстоятельной и содержательной статье проф. А. К. Боровкова «Изучение языков народов Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по

⁶³ Р. А. Будагов, указ. соч., стр. 23.

⁶⁴ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, стр. 284.

⁶⁵ Е. М. Мельцер, указ. соч., стр. 30.

⁶⁶ В. В. Виноградов, Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания, стр. 70.